

Две парадигмы природы научной истины

Two paradigms of scientific truth

Лебедев С.А.

д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: saleb@rambler.ru

Lebedev S.A.

Doctor of Philosophy, professor, main researcher of philosophy department of Lomonosov Moscow State University

E-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация

Анализируются две основные парадигмы в понимании природы научной истины: трансцендентально-монистическая и социально-плюралистическая. Первая парадигма была господствующей в классической философии и методологии науки, вторая – в неклассической и в современной постнеклассической эпистемологии. Раскрывается содержание и сущность каждой из парадигм, их возможности и границы, а также взаимосвязь с развитием реальной науки.

Ключевые слова: научная истина, научный метод, эмпиризм, априоризм, конструктивизм, субъект научного познания.

Abstract

The article subject is the reconstruction and analysis of two main scientific truth paradigms. There are the transcendental- monistic and social-pluralistic conceptions. The first of them was dominated in the classical philosophy and methodology of science, the second – in the nonclassic and in the contemporary postnonclassic epistemology. In the article had demonstrated its backgrounds, possibilities and limits and also their interconnection with development of real science.

Keywords: scientific truth, scientific method, empirism, apriorism, constructivism, scientific cognition subject.

Проблема природы научной истины является одной из главных в теории научного познания. Ее обсуждение красной нитью проходит через всю историю философии науки. Актуальна эта проблема и в наши дни. Об этом свидетельствует острая полемика по данной проблеме в методологии науки: от логического позитивизма до постпозитивизма, конструктивизма и постмодернизма [6]. При этом все спорящие стороны согласны в том, что из всех видов человеческого познания именно наука вырабатывает наиболее адекватное, точное и доказательное знание. Тем не менее, главная философская проблема науки – проблема объективной истинности научного знания, наличия общезначимых критериев ее удостоверения по-прежнему остается дискуссионной. Она распадается на ряд вопросов, по которым в философском и научном сообществе по-прежнему имеются разные взгляды, порой полностью исключаящие друг друга. Какие это вопросы? Способна ли наука своими средствами и методами достичь объективно-истинное и абсолютно-достоверное знание об изучаемых ею объектах? Она может сделать это во всех областях научного знания, или только в некоторых (например, лишь в математике и экспериментальных науках)? Как

вообще возможна научная истина и в чем ее отличие от других видов истин? Научная истина трансцендентальна или социальна? Кто является подлинным субъектом научного знания и познания: самопорождающий свое содержание объективный разум, трансцендентальный субъект, или реальные ученые и научное сообщество? Является ли достижимая в науке истина абсолютной или только относительной? Существуют и возможны ли в принципе некие универсальные методологические процедуры удостоверения истинности научного знания, всех различных по содержанию и форме научных утверждений? Или таких процедур существует множество? Далее. Оценка некоторого фрагмента научного знания как истинного является следствием применения к нему определенной методологической процедуры или это результат принятия субъектом научного познания такого решения при отсутствии полных гарантий его правильности? Являются ли конвенции и консенсус необходимыми элементами принятия решения об истинности научных законов и теорий? Если да, то правомерно ли утверждать о трансцендентальной, внесубъектной и внесоциальной природе научной истины? Как показывает анализ истории философии науки и современной методологии науки, все ответы на поставленные выше вопросы осуществлялись в рамках двух главных парадигм в понимании природы научной истины: трансцендентально-монистической и социально-плюралистической.

В чем сущность каждой из этих эпистемологических парадигм? Согласно первой, трансцендентально-монистической парадигме, научное знание есть результат самопорождения объективным разумом или трансцендентальным субъектом истинного знания. Второй главной предпосылкой этой парадигмы было принятие положения о существовании в науке некоего универсального метода порождения и обоснования истинного знания. Соединение принципов трансцендентализма и монизма в единое целое и составляет сущность трансцендентально-монистической эпистемологической парадигмы. Сущность другой, социально-плюралистической парадигмы, составляют диаметрально противоположные принципы. Первый принцип это положение о том, что субъектами научного познания являются не трансцендентальные субъекты или не ученые вообще, а реальные ученые. Соответственно научное познание, как и всякая другая человеческая деятельность, имеет субъект-объектный, творческий, социальный и исторический характер. Необходимой формой развития научного познания является гипотеза, которая может оказаться как истинной, так и ложной. Вторым принципом социально-плюралистической парадигмы является положение о том, что такие характеристики научного знания как его истинность или ложность являются относительными и при этом во многих отношениях. Третий принцип: существование в науке альтернативных концепций является естественным и неизбежным результатом научного познания [2]. Эмпирическим доказательством этого служит, прежде всего, история реальной науки, в которой постоянно имеет место смена прежних фундаментальных теорий новыми, которые либо отрицают истинность старых, либо существенно ограничивают ее. Вторым убедительным эмпирическим доказательством существования в науке плюрализма является наличие в каждый исторический период ее развития альтернативных научных концепций в любой области науки. Третьим аргументом в пользу плюралистической природы научной истины является методологический плюрализм, отсутствие в науке некоего единого и универсального метода получения и обоснования научного знания [1]. Признание реально-субъектного, исторического, социального и плюралистического характера научного знания образует сущность социально-плюралистической эпистемологической парадигмы. В наше время основная дискуссия идет уже не в плане отрицания наличия в науке плюрализма (для современной науки и ее философского осмысления это очевидный факт), а лишь в интерпретации характера этого плюрализма, его причин и границ. Главным трендом современной

методологии науки стало уже не просто осознание наличия в науке качественно различных областей, уровней и видов научного знания и не только отсутствия в науке некоего универсального метода получения и обоснования научного знания, но и различного понимания самой научной истины и соответственно ее критериев [3]. В современной философии и методологии науки существует несколько основных направлений, которые представляют и развивают плюралистическую парадигму научной истины. Это: радикальный конструктивизм, постструктурализм, когнитивная социология науки, культурно-историческая и социальная эпистемология, эволюционная эпистемология, методологический анархизм, а также позитивно-диалектическая эпистемология [8].

В чем причины многообразия (плюрализма) предложенных философами и учеными решений проблемы природы научной истины и ее критериев? Мы полагаем, что здесь имеют место две главные причины. Во-первых, это плюрализм самих философских систем, с позиций которых только и возможно целостное осмысление такого сложного феномена как наука и научное познание. Естественно, что разная «философская оптика» и, так сказать, разные гносеологические «системы отсчета» приводят к высвечиванию разных образов науки и их применения к осмыслению реальной науки, ее структуры и динамики. Другой, столь же значимой причиной многообразия концепций научной истины является гетерогенная структура самого научного знания: существование не только качественно различного содержания научного знания в процессе его исторической эволюции, но и синхронное разнообразие научных концепций, а также видов научного знания на любом историческом этапе развития науки. Если говорить об общей истории науки, то эта история была сменой шести качественно различных культурно-исторических типов науки: 1) древняя восточная наука; 2) античная наука; 3) средневековая наука; 4) классическая наука (новое время – XIX в.); 5) неклассическая наука (XX в.); 6) постнеклассическая наука (современная наука). Необходимо при этом подчеркнуть, что каждый из культурно-исторических типов науки отличается от других не только качественно различным содержанием научного знания, но и разными категориальными, социальными и ценностными основаниями [9].

Кроме диахронного плюрализма науки в ней всегда имел и по-прежнему имеет место также синхронный плюрализм: наличие в структуре научного знания качественно различных по содержанию и форме единиц научного знания. Во-первых, синхронный плюрализм науки представлен различными областями научного знания (математика и логика, естественнонаучное знание, техническое и технологическое знание, социальное и гуманитарное знание). Очевидно, что научное знание во всех указанных выше основных областях науки различно не только по содержанию, но и по методам своего получения и обоснования. И, как следствие, – по способам удостоверения его истинности [4]. Достаточно сравнить не только по содержанию математическое, естественнонаучное и социальное знание, но и методы математики, естествознания и социально-гуманитарных наук, чтобы ясно увидеть их качественное различие. Во-вторых, в структуре любой научной дисциплины, независимо от области научного знания, имеются качественно различные уровни знания. Это: 1) уровень чувственного знания (данные наблюдения и эксперимента); 2) уровень эмпирического знания (научные факты и эмпирические законы); 3) уровень теоретического знания (научные теории как логически доказательные системы утверждений об идеальных объектах и их свойствах); 4) уровень метатеоретического знания (общенаучное знание и философские основания науки). Каждый из этих уровней имеет не только свою особую онтологию, но также и свои особые методы получения и обоснования знания. И как неизбежное следствие – специфические критерии истинности знания [1]. В-третьих, синхронный плюрализм научного знания представлен также различными видами научного знания: аналитическое и синтетическое, априорное и апостериорное, исходное и выводное,

дискурсное и интуитивное, явное и неявное и др. Все эти виды научного знания имеют между собой существенные различия либо по логической форме, либо по функциям в научном познании. Соответственно, обоснование истинности каждого из видов научного знания также не может не отличаться [1].

Однако плюралистическая структура науки не исчерпывается указанными выше диахронными и синхронными различиями научного знания. Столь же важными аспектами реальной науки является ее функционирование в качестве не только познавательной системы, но и как: а) особой подсистемы культуры; б) особой формы инновационной деятельности; в) особого вида практики (эксперимент и инженерная деятельность); г) особой формы жизни людей, профессионально связанных с наукой. Естественно, что науку как весьма сложную систему с большим количеством структурных различий и аспектов трудно, да, пожалуй, и невозможно, описать в рамках какой-либо одной общей теории или модели. С нашей точки зрения здесь возможен только один правильный путь – создание некоей мозаичной, но вместе с тем целостной модели реальной науки, имеющей плюралистическую структуру, состоящую из качественно различных культурно-исторических типов, а также областей, уровней и видов научного знания. Сложная плюралистическая структура науки и научного знания получила свое противоречивое отражение в различных философских и методологических концепциях науки.

В методологии науки она представлена тремя альтернативными концепциями природы научного познания: 1) эмпиризм (в частности, индуктивизм и неиндуктивизм); 2) рационализм (в частности, априоризм и интуиционизм) и 3) конструктивизм (в частности, инструментализм, прагматизм, конвенционализм и когнитивный социологизм). В каждой из трех указанных эпистемологических концепций предлагается особый взгляд на природу истины в науке. Например, сторонники эмпиризма исходят из того, что источником, основой и критерием истинности научного знания является или должен быть только эмпирический опыт (наблюдения, эксперимент, измерения). Наиболее последовательные сторонники такого подхода к научному познанию и знанию – позитивисты. Рационалисты же, напротив, полагают, что основным средством научного способа познания является не опыт, а мышление. Соответственно они считают, что и критерием истинности научного знания может и должно быть не его соответствие эмпирическому опыту (который всегда, по самой своей природе является лишь локальным или частным), а только соответствие научного знания либо неким изначальным (априорным) структурам мышления, либо накопленному ранее истинному научному знанию. Наконец, представители конструктивистского понимания природы научного знания считают, что научное знание и любая его единица имеют и не опытный, и не априорный, а конструктивно-мыслительный характер [7]. Поэтому, полагают конструктивисты, критерий истинности научного знания следует искать не в опыте и не в области мышления, а в сфере конструктивной деятельности человека по созданию такого специфического артефакта как научное знание. Критерием его истинности, как и любых других продуктов деятельности человека, может быть только их полезность и эффективность как средств дальнейшего развития человеческой деятельности: как теоретической, так и особенно – практической (создание новых видов техники и технологий, развития экономического потенциала общества, его образовательных и социальных технологий и др.). Одной из наиболее простых, и вместе с тем достаточно распространенных конструктивистских моделей, явился конвенционализм и предлагаемое в его рамках решение проблемы научной истины. Сторонники конвенционализма акцентируют внимание на когнитивных основаниях принятия учеными решений об истинности той или иной структурной единицы научного знания, особенно аксиом научных теорий. Среди виднейших представителей конвенционализма можно назвать таких известных ученых и методологов

науки как А. Пуанкаре, А. Грюнбаум, Р. Карнап, К. Поппер, И. Лакатос и др. Каков главный философский тезис конвенционалистской концепции природы научного познания и знания? Он состоит в утверждении, что приписывание научному знанию такого свойства как его истинность, равно как и других его важных свойств (доказанность, определенность, однозначность, точность, верифицируемость) имеет по необходимости конвенциональный и условный характер [5]. Согласно этой позиции приписывание любым единицам научного знания указанных выше свойств не является и не может считаться безусловным и окончательным. Главной причиной этого является то, что в процессе логической аргументации всегда возможен регресс в бесконечность. Правда, ученые часто ссылаются на достаточность оснований при обосновании результатов своих исследований и, видимо, будут делать это и впредь, поскольку доказательность научного знания это один из главных идеалов науки научно-познавательной деятельности. Однако в принципиально философском плане всегда необходимо помнить, что решение о достаточности оснований истинности любой единицы научного знания имеет по существу договорный характер. В его основе лежит когнитивная воля исследователя, а также определенное множество практических соображений (простота модели, удобство пользования ею, традиция, предсказательная сила, непосредственное применение в технических и технологических расчетах и т.д.).

Представители конвенционализма справедливо считают, что наиболее ярким проявлением конвенционального характера научного познания является сам научный язык с его стремлением к точности и однозначности своих понятий и высказываний. Такая точность достижима только с помощью четкой фиксации значений и смысла научных терминов и понятий, что возможно сделать только с помощью явных определений. Любое явное определение есть приписывание тому или иному термину строго определенного значения и смысла. Очевидно, что привязка любого слова только к одному из его возможных значений имеет явно договорный и условный характер, то есть имеет характер конвенции. Все методологические принципы и правила в науке, начиная от физических эталонов и основанных на них системах измерения свойств и отношений объектов, также имеют явно конвенциональную природу. Это относится и к принятию тех или иных правил и стандартов логического доказательства. Например, в классической логике и математике некое утверждение считается доказанным, если его отрицание ведет к логическому противоречию в данной системе (метод доказательства от противного). В конструктивной же логике и математике доказательства такого рода запрещены, в ней разрешаются только прямые доказательства в конечное количество шагов и за время, соизмеримое с практическими задачами и реальным временем жизни научного сообщества. Апелляция к понятию актуальной бесконечности в конструктивистской методологии науки также запрещена. Ясно, что такого рода запреты также носит явно конвенциональный характер. Многие современные математики, не принимая этой конвенции, продолжают работать в традиции классической методологии математики, то есть в рамках прежних конвенций. Очевидно, что любые конвенции, наряду с положительными сторонами своих эвристических возможностей, несут в себе и груз связанных с ними познавательных ограничений в видении исследуемого объекта только с некоторой определенной стороны. Перефразируя слова известного немецкого философа М. Хайдеггера «Язык - дом бытия», можно утверждать, что наличный язык науки в целом и каждой отдельной науки, в частности, существенно задает пределы видения ею действительности. Вот почему революции в науке всегда сопровождаются существенным изменением языка научных теорий, введением в оборот новых категорий, а также новой интерпретацией значения и смысла прежних понятий и утверждений науки.

Почему конвенционалистская методология науки возникла только в конце XIX – начале XX в., а затем получила широкое распространение среди ученых? Очевидно, это

могло произойти только в силу того, что в конвенционализме были адекватно схвачены какие-то реальные черты в развитии науки того времени, которые ранее ускользали от фиксации учеными и философами. Как известно, в науке второй половины 19 – начала 20 в. произошли три судьбоносных события, которые существенно повлияли на всю траекторию дальнейшего развития научного познания и его философского осмысления.

Первым таким событием явилось открытие неевклидовых геометрий и последующее их принятие в качестве столь же полноценных математических теорий, как и традиционная евклидова геометрия, которая существовала почти в неизменном виде более двух тысяч лет и казалась математикам, физикам и философам единственно возможной и единственно истинной наукой о пространстве. Вторым важнейшим событием стал кризис в теории множеств и обнаружение в ней парадоксов, а ведь теория множеств рассматривалась большинством математиков конца 19 в. как фундамент всей математики. Одним из радикальных способов избавления теории множеств от возникавших в ней противоречий стало предложение интуиционистов (позднее их последователи стали называть себя «конструктивистами») отказаться от центрального понятия классической теории множеств – понятия актуальной бесконечности. Другим их предложением было введение ограничений на использование в математических доказательствах законов исключенного третьего и двойного отрицания, использование этих логических законов разрешалось только в рассуждениях о конечных множествах. Вместо классической математики и логики с их недостаточно надежными методами доказательства интуиционисты предложили создать новую, конструктивную математику на основе более строгих, чем в прежней математике, методов ее построения. Интуиционистами была поставлена под сомнение надежность всей классической математики, а, следовательно, и абсолютный характер всех ее истин (Л. Брауэр, А. Пуанкаре, Г. Вейль, А. Гейтинг и др.). Наконец, третьим выдающимся событием, окончательно поколебавшим веру ученых в возможность достижения средствами научного познания абсолютно-истинного знания о действительности, стало создание в XX в. новых фундаментальных физических теорий – теории относительности и квантовой механики. Эти теории были не просто альтернативны классической механике, но и во многом противоречили ей (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор и др.). О чем свидетельствовали эти революционные события в истории науки, о чем они «говорили» мыслящему сознанию ученых и философов в их попытках решения проблемы природы научного знания и его истинности?

А говорили они о том, что максимум, на что может претендовать наука и научное познание, так это только на относительную истину, причем относительную не только в историческом плане, но и в плане принципиальной возможности достижения наукой окончательно доказанной объективной истины. Очевидно, что отныне с классическим идеалом науки как абсолютно-истинного и абсолютно объективного знания о действительности, с претензией науки на знание того, какова объективная реальность «на самом деле», независимо от познающего ее субъекта, необходимо было окончательно расстаться. То, что эмпирические данные, сколь бы многочисленными они не были, в принципе не в состоянии доказать истинность научных законов и теорий, ученым и философам было ясно уже в последней трети XIX в. Это произошло после сокрушительной критики классического индуктивизма Бэкона-Конта-Милля не только со стороны критиков эмпиризма, но и со стороны его сторонников (Э. Мах, Р. Авенариус, А. Пуанкаре и др.) [6]. Было показано, что с логической точки зрения абсолютно некорректно заключать об истинности научного закона или теории на основании эмпирического доказательства истинности всех их следствий. А позже (уже во второй половине XX в.) в ходе основательной критики неиндуктивизма логического позитивизма станет очевидным, что индукция (то есть

аргументация от частного к общему, от фактов к законам и теориям) не способна выполнять не только функцию доказательства истинности научных законов и теорий, но даже функцию подтверждения их истинности. Дело в том, что в логике согласно определению логической импликации и основанного на ней отношения логического следования истинные следствия могут быть логически вполне корректно получены не только из истинных, но и из ложных посылок. Вместе с тем, постоянный рост числа конкурирующих теорий во всех областях современной науки (объясняющих с разных позиций одни и те же факты, одни и те же данные наблюдения и эксперимента) подтверждал ограниченные возможности опыта в решении вопроса предпочтения и выбора одной из конкурирующих гипотез. Реальный факт конкуренции в науке различных концепций и теорий настойчиво требовал его квалификации либо как временного явления, либо как необходимого и неустраняемого явления в развитии научного знания. При этом оказалось, что методологических возможностей в интерпретации данного феномена существует не так уж и много.

Во-первых, для современной методологии науки стало ясно, что в истолковании природы научного знания явно провалились эмпиризм и позитивизм во всех их вариантах. Дело в том, что в науке не существует чистых данных наблюдения и эксперимента, никак не зависящих от какой-либо теории. Теории играют в развитии науки и процессе научного познания руководящую и направляющую роль, особенно в интерпретации имеющихся эмпирических данных. Как образно и чрезвычайно метко по этому поводу сказал еще великий Леонардо да Винчи: «В науке теории это генералы, а эксперименты – солдаты». Успешный исход сражения, конечно, зависит от тех и других, но планируют, осуществляют и отвечают за исход операции, как известно, именно генералы.

Однако и рационализм как декартовского, так и кантовского и гегелевского толка, особенно после построения неевклидовых геометрий в математике и возникновения неклассической физики потерял свою кредитоспособность в глазах большинства ученых. Согласно рационалистам источником абсолютной истины в науке является не опыт, а чистое мышление с присущим ему априорным содержанием. Конечно, и Декарт, и Кант, и Гегель знали о существовании в любой из областей науки альтернативных концепций, но считали это лишь временным состоянием науки, от которого наука принципиально должна и может избавиться, ибо объективная истина о любом явлении как главная цель научного познания может быть только одна. Согласно Канту, естественнонаучное познание, имеющее своей целью постижение законов природы, имеет априорно-апостериорный характер и представляет собой наложение априорных схем сознания на материал чувственных наблюдений. При этом эти априорные схемы сознания и мышления объявлялись Кантом вечными, неизменными и одинаковыми у всех познающих субъектов. В частности, логику и математику Кант считал чисто априорными науками, заявляя, что именно поэтому невозможна никакая иная геометрия, кроме евклидовой, и никакая другая логика, кроме аристотелевской. Но уже во второй половине 19 в. случилось именно то, что Кант считал принципиально невозможным в силу априорных свойств сознания. А именно: Н.И. Лобачевским и Б. Риманом были построены новые геометрии, альтернативные не только евклидовой геометрии, но и между собой. А затем в логике были построены различные системы математической логики, более богатые по сравнению с аристотелевской силлогистикой и частично альтернативные ей (различные системы многозначной и конструктивной логики).

После этого у философов и ученых, размышлявших над вопросами о природе и характере научного знания, осталось только две логических возможности. Первая: считать принципиально невозможным достижение в науке объективно-истинного знания и рассматривать любое научное знание как имеющее статус лишь гипотез о действительности.

Вторая возможность: считать утверждения об истинности научного знания вполне допустимыми в языке науки, но лишь в некотором условном, конвенциональном смысле, а именно как ставочном решении отдельного ученого или группы ученых о признании некоторого фрагмента научного знания истинным. Разумеется, при принятии такого решения эти ученые обязаны сформулировать те условия и критерии, которым должны отвечать истинные высказывания, а любой другой ученый всегда может проверить, действительно ли эти условия были соблюдены. Главный смысл конвенционализма и заключался в том, чтобы, с одной стороны, сохранить положение Канта об априорно-апостериорной природе научного знания, а с другой, заменить при этом абсолютный априоризм кантовского трансцендентального субъекта на конструктивно-творческий, исторический априоризм реальных субъектов научного познания. Сторонники конвенционалистской философии науки пытались проложить в эпистемологии науки новый маршрут, пытаясь пройти между Сциллой эмпиризма и Харибдой абсолютного априоризма [5].

Безусловно, конвенционалисты правы в том, что решение вопроса об истинности любой научной гипотезы или теории, помимо их соответствия определенному набору эмпирических, теоретических и логических критериев, требует от ученого принятия соответствующего когнитивного решения. Однако с ними трудно согласиться в том, что главным субъектом такого решения является отдельный ученый. Дело в том, что отдельный ученый не является суверенным субъектом, поскольку всегда является членом определенного профессионального научного сообщества. Последнее и является главным реальным субъектом научного познания. Научное сообщество состоит из отдельных ученых, которые с экзистенциальной точки зрения являются свободными личностями, однако всегда связанными между собой множеством предметных и коммуникационных связей в процессе осуществления научной деятельности. И этому утверждению отнюдь не противоречит тот факт, что в современной науке члены одного и того же дисциплинарного сообщества часто существенно распределены в пространстве, а иногда и вообще лично не знакомы друг с другом. Что же их связывает друг с другом и делает единым коллективным субъектом научного познания? Ответ прост: густая сеть информационных каналов и когнитивных связей, причем часто неформальных и социально анонимных, то есть специально не фиксируемых и не регулируемых из одного центра. Результатом коммуникаций коллективного субъекта научного познания является достижение среди его членов определенного консенсуса в отношении всех принципиальных вопросов научного познания: истинности, доказанности, однозначности, эффективности той или иной концепции гипотезы или теории. При этом в отличие от множества научных конвенций, как результата сознательно-договорного и рационально-контролируемого поведения ученых относительно истинности некоторого высказывания или теории, научный консенсус является итогом длительных переговоров, дискуссий, а нередко и столкновения позиций ученых во время во многом стихийного и социального по своей сути познавательного процесса. Существенную роль в достижении научного консенсуса играет позиция ведущих ученых в соответствующей области научного знания, выступающих в роли ее наиболее авторитетных экспертов. Если научная конвенция – дело личной ответственности отдельного ученого, то научный консенсус – коллективная ответственность дисциплинарного научного сообщества за признание некоторой теории истинной, научной или лженаучной. Таким образом, различия в основаниях и механизме принятия когнитивных решений при конвенционалистском и консенсуалистском подходе весьма существенны. Соответственно этим различиям научная истина при конвенционалистской трактовке механизма ее принятия неизбежно имеет субъективный характер, тогда как при консенсуалистском подходе она приобретает социальный и объективный характер в силу самой природы консенсуса. Хотя в обоих

случаях научная истина признается имеющей условный и относительный характер, но только при консенсуалистском понимании ее природы она приобретает такие свойства, как общезначимость, социальность и историчность, что полностью соответствует реальному научному познанию и его результатам. Достоинством консенсуалистской интерпретации природы научной истины является также то, что она вбирает в себя все рациональные зерна других концепций научной истины, которые были разработаны в истории философии и методологии науки. В силу огромного массива накопленного и апробированного научного знания, с которым любой ученый вынужден считаться как с такой же непреложной реальностью, как и исследуемая им природа, свобода действий как отдельного ученого, так и профессионального научного сообщества всегда ограничены состоянием, возможностями и объективными закономерностями развития научного знания [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Литература

1. *Лебедев С.А.* Методология научного познания. М.: Проспект. 2015.
2. *Лебедев С.А.* Пересборка эпистемологического//Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 53–64.
3. *Лебедев С.А.* Проблема истины в науке//Человек. – 2014. – № 4. – С. 123–135.
4. *Лебедев С.А.* Структура научной рациональности// Вопросы философии. – 2017. – № 5. С. 66–79.
5. *Лебедев С., Коськов С.Н.* Конвенционалистская философия науки//Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 57–69.
6. *Лебедев С.А.* Философия научного познания. Основные концепции. М.: Издательство Московского психолого-социального университета. 2014.
7. *Лекторский В.А.* Конструктивизм vs реализма//Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 1. – С. 19–26.
8. *Лебедев С.А., Авдулов А.Н.* Основы философии науки. Учебное пособие. М.: Академический проект. 2005.
9. *Лебедев С.А., Коськов С.Н.* Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки// Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2014. – №1. – С. 7–13.
10. *Лебедев С.А.* Курс лекций по философии науки. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2014.
11. *Лебедев С.А.* Философия науки. Общий курс. М.: Академический проект. 2010.
12. *Лебедев С.А.* Философия современного естествознания. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2004.
13. *Лебедев С.А.* Философия естественных наук. М.: Академический проект. 2006.
14. *Лебедев С.А., Кудрявцев И.К.* Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания// Вестник Московского университета. Серия 7: философия. – 2005. – № 6. – С. 1–20.
15. *Степин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре//Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 18–25.